

Сергей Зайн

Взгляд Гада

рассказ

(2007)

Никаких имён и названий. Он просыпается в тихом городе, где больше нет созданий. У него остались несколько воспоминаний, а также странный взгляд на всё вокруг. Куда можно пойти в покинутом городе?.. Куда глаза глядят.

Сон для существа со змеиными глазами превратился в жизнь. И если раньше во всякой ночной мечте помнило оно, что спит, что может усилием воли убежать из причудливых и опасных миров, то в мечте настоящей ночи утратило эту способность полностью. Вначале жизнь предстала тёмным, мертвенным пространством, идеальной пустотой, о которой некому задуматься. А потом под змеиным взглядом тёмное пространство вздрогнуло от невозможности мысли, и появилась маленькая светлая точка. Тогда существо прониклось осознанием, насколько прекрасна бездумная тьма вокруг...

Глаза моргают всего раз, и точка начинает расширяться. Хлещут мрак раскалённой яростью бесчисленные жгуты, расползаются в серый туман, рождаются снова, сталкиваются, творят и тут же уничтожают. Вскоре замерцали первые гроздьи. Ягоды, их составляющие, становятся самыми стабильными плодами материнской точки. Змеиный взгляд успевает осмотреть панораму от края до края, и вот уже новые ягоды сверкают в сияниях и потоках, среди пыли и взрывов, новые ягоды – крупные и спелые.

Глаза моргают ещё много раз, но существо понимает, что нового не будет. *Ты всё это уже видел*, – течёт мысль в бурлящей погоде молодого космического порядка. В яблоках и апельсинах, в персиках и томатах, в клубнях и кочанах задумавшейся вселенной одно и то же. В пышном рождении и яростной гибели легко осознать, что любая мысль отличается лишь степенью печали.

И самая первая планета, и последняя обречены раствориться в холодной темноте – существо открывает глаза в тусклой комнате, в тихом городе. На столе лежат яблоки, апельсины и персики, – проснувшись, существо первым делом думает именно о них.

Бесшумно поднимается с кровати и подходит к столу. Сегодня все фрукты одинакового цвета, они как сияние, пропитывающее ткань на окнах. Тусклое сияние в тихом городе. Существо встаёт у окна, отодвигает ткань, самая красивая там тишина. Нет, здания, размытые

в тумане, тоже прекрасны, восхищает подавляющий полог неба, оно состоит из глубокой, однородной дымки. Но наиболее существо радуется тишине, царящей за окном благодаря отсутствию каждого, кто прежде непрерывно гадил звуками.

- В зданиях больше нет созданий. В зданиях нет созданий... – улыбающийся шёпот сопровождает путь на кухню. Существо вслушивается в запертые комнаты, они сегодня молчат сами для себя. Мебель, бельё, ковры, а между ними пространство, успокоенное тусклым сиянием. Существо представляет, как оказывается в этом пространстве, потом ещё в одном, ещё. Но одновременно понимает, что после *такого* пробуждения свободе уже незачем нарушать порядок неживой материи.

А в этой комнате насыщались, и шторы плотно сдвинуты. Существо останавливается в проёме двери, на столе виднеются чашки, рядом с ними заварной чайник. Руки поднимают крышку, подносят к лицу круглый колодец, из которого должно ароматно пахнуть. Но на дне лишь камни, и существо неспешно заваривает их в ледяной воде из запотевшего кувшина.

И шторы плотно сдвинуты.

Каменный напиток бодрит нутро, можно проведать помещение, где умывались. Глаза не сразу привыкают почти к полной темноте, вскоре проступают очертания белесой пасты, где когда-то шумели искусственные омуты с пеной. Не сегодня, не сегодня, – шепчет существо. В тесной темноте ветхие кости бесполезных коммуникаций, всё стало другим, всё.

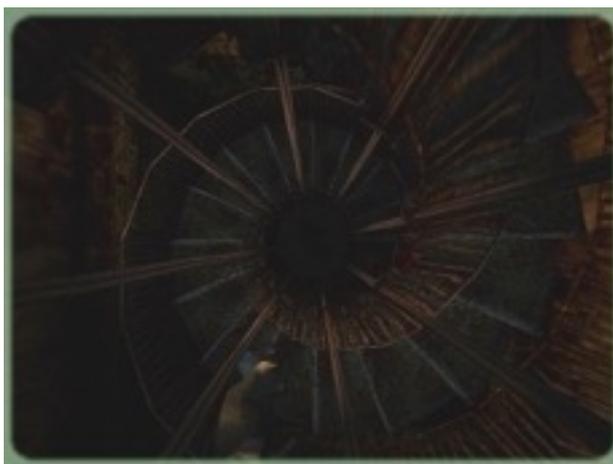
Оно закрывает дверь. Здесь больше нечего делать.

Верхняя одежда усиливает ощущение изменившегося пространства; верхняя одежда, рукава которой стали длиннее, а ткань мерцает на складках, как полоски драгоценностей в скальной породе. Края свисают почти до пола, существо думает, что оно похоже на сказочного звездочёта. Улыбка в змеиных глазах.

Выход из квартиры преграждает дверь. Её углы странным образом оплавилась, и состоит вся из тёмного янтаря, а на месте ручки овальная ямка. Существо закатывает рукава и толкает преграду, поддаётся без усилий.

В коридорах, утративших правильную геометрию, ощущения иные. Движение вдоль искажённых границ стен, вдоль несимметричности обалдевшей материи, очищенной от шумной жизненности, а над поверхностью тёмные лоскутки. Видимо, это дети тумана, думает существо. Зыбкие, маленькие облачка из тёмных точек... Сопровождают весь путь, который нужно преодолеть шаг за шагом, ведь кабинка, прежде развозившая жильцов по этажам,

заросла вулканическим стеклом. А бездна-шахта превратилась в водопад из тягучей, ванильной нефти.

Через несколько этажей змеиному взгляду примелькались дети тумана, он вновь касается одежды, подвёрнутых рукавов, низов ткани, задевающих толстую паутину перил и причудливо деформированные ступени. Когда-то куртка была обычной, и я, – вспоминает существо, – одевал её, уходя на прогулку в лес. Тогда...

...шумели кроны под ясным небом, пахло растительной жизнью, среди которой скоро забываются голоса и суета жизни мясной. Можно идти по тропинке, и внезапно свернуть, чтобы ветки цеплялись за одежду, чтобы шагать стало труднее, но мягче. Вкус ягоды на языке, то кислой, то сладкой, то водянистой и сочной. Воздух, лишённый человеческого фактора, делает тебя свободней и чище. Журчание речки, плеск воды, леденящей ладони. Или спокойное лесное озерцо с букашками, шныряющими в неразберихе корешков, стебельков, травинок, листочков...

- Тогда, – произносит существо, – когда в зданиях были создания.

Воспоминания быстро исчезают, только что-то тёплое мелькает в памяти, когда существо добирается до выхода. Здесь массивная дверь с неровными, скруглёнными краями, поросшая слоем гриба. Какой-то съедобный гриб, просто вырос шишковатым настилом, и запах присутствует соответствующий, грибной. Ладонь касается этой поверхности, что-то тёплое мелькает, дабы в следующий миг растворится навсегда, существо выходит из дома.

На крыльце останавливается, наслаждаясь прикосновением лица к туманной реальности тихого города. Глаза жмурятся, ноздри вдыхают: «Всё это теперь во мне, теперь по-настоящему, внутри, оно становится мной».

Дорога перед крыльцом напоминает застывшую поверхность кипящего бульона. Повсюду из ровной тверди проступают сферической формы, некрупные, гладкие «пузыри». Идти по ним непривычно, но не сложно.

Приятным дополнением к общему настроению становится то, что не нужно задумываться о смысле каждого шага; больше не надо знать, куда идёшь, ведь в обрётённом спокойствии сам процесс движения является целью. Когда одиночество становится абсолютным, подобный метод путешествия – единственно правильный.

Дорожки из застывшего бульона пролегают мимо туманных силуэтов, в которых угадывается что-то очень знакомое – слишком знакомое, чтобы вспоминать, чем это было раньше. Существо видит приземистые кабинки-холмы, напоминающие пирожные, обильно

политые разноцветной глазурью. Широкая часть кабинки выше, узкая ниже, в основном поверхность ровная, и скорее шероховатая, чем гладкая, но на крыше (на крыше?..) высятся острые, тонкие сталагмиты.

Колёса бывших автомобилей вросли в землю резиновыми, узловатыми щупальцами.

Искажённые столбы и стальные конструкции кривляются вдаль, когда туман застилает их: то сильнее, то слабее.

Существо останавливается возле забора, за его рёбрами площадка песчаного пустыря. Среди домов, в которых нежилые коробки впились друг в друга, перестав источать ядовитый смысл жизни, панорама песчаного пустыря представляется эталоном подлинной свободы. Здесь, однако, содержится всё, чем желаешь себя ограничить. Притяжение этого места ведёт существо вокруг забора, туда, где рёбра расступаются, чтобы впустить желающего на мягкую землю.

Ноги ступают между каменных слёз, слёзы шлёпнулись когда-то сверху, возможно, ночью, когда снились апельсины, яблоки и персики. Камни величиной чуть больше глаза, отшлифованные исчезнувшими реками и ветром. Края их плотно сидят в песочных глазницах, от некоторых в стороны расходятся линии волн, или неоконченные узоры. Существо приседает на корточки перед скоплением слёз, образовавших круг. Тень одежды, мерцающая на складках, ложится вокруг ног. Змеиный взгляд сосредотачивается в центре слёзного круга, песок в этом месте начинает шевелиться.

«Это паучок карабкается изнутри, – думает существо, – маленький паучок». Но никакого паучка нет. «Тогда это я, – думает существо, – просто маленький я». Вертикальные зрачки резко сужаются, становятся острыми, как иглы. В центре слёзного круга происходит песчаный всплеск, словно что-то лопнуло неглубоко от поверхности. Чуть помедлив, ладони тянутся к этому месту.

Существо берёт песок в горсть и подносит к лицу. Различима каждая песчинка. Можно также без труда представить те, которые на самом дне; потому что верхние – копии нижних, а то, что верхние давят нижних – не является ни заслугой первых, ни проклятием вторых. Так захотели исчезнувшие реки и неведомый ветер.

Сомкнутые губы безмолвны, с каждой песчинкой разговаривает взгляд гада. Затем ладони постепенно расслабляются, и шёпот песочной струйки отвечает существу. В шёпote воспоминания, лишённые эмоций. Песчинки рассказывают, как давным-давно, тринадцать миллиардов снов назад, они непрерывно гадили звуками.

Когда слетает последний шёпот, существу кажется, будто слышит голос зверя, из чьих рёбер сделан забор вокруг пустыря. Зверь говорит, что в словах верхних и нижних плеск воды, леденящей ладони.

Снова под ногами пузыри застывшего бульона, туман стал гуще, а его движение интенсивнее (хотя не ощущается ветра, направляющего могучую пелену). После свободы, зависшей над песком, путь с каждым шагом превращается во всё более однообразный коридор. В мутных стенах растворяются очертания холмов, покрытых разноцветной глазурью, исчезают кривлянья столбов и конструкций. Может, существо идёт по аллее... по сторонам, в стусившемся тумане кусты, деревья, их ветви срослись друг с другом, образовав жёсткий навес... А может, нет аллеи. Взгляд прикован к дороге, но его обладатель не видит её, вертикальные зрачки утолщились – чёрные щели в обрамлении жёлто-зелёных лучиков роговицы. Сказанное зверем надолго поселяется в мыслях, сказанное зверем движет мысли, пока ветер шевелит туманом.

В словах верхних и нижних. В словах верхних и нижних.

Мощный, резкий удар происходит внезапно, именно так действуют загадочные силы, которым время от времени надоедает наблюдать даже эволюцию гениев. От неожиданности существо на миг замирает, выгнувшись назад, округлившиеся глаза удивлённо уставились вверх, на подлую преграду. В следующий миг тело рухнуло, накатились слёзы, рука, поднесённая к лицу, ощущает тёплые струйки, сочащиеся из носа.

Тонизирующее действие каменного напитка закончилось, зато теперь свежая кровь и эхо оглушающего удара бодрят нутро. Существо улыбается, слизывая с верхней губы сочную влагу. Перед ним стена из серого кирпича. Что это за здание? Просто дом, где жили когда-то песчинки?..

«Что это за дом, который оплодотворил меня интересом, и обновил настроение», – думает существо, поднимаясь на ноги. Улыбаясь, шагает к стене вплотную, медленно подносит ладони и касается. Пальцы проходятся по шероховатым кирпичам, по швам, более грубым на ощупь, ноги направляются вправо. Шаг, ещё шаг. Оно идёт, слегка касаясь ладонью серой преграды и слизывая с губ кровь, которая скоро остановилась.

Стена сплошная, не попадаете окон, нет карнизов, подвальных решёток, цокольных проёмов. Холодная кладка исчезает впереди, в плотной пелене. Появляется мысль о том, почему стена такая правильная... Почему кирпичи ровной прямоугольной формы, а все швы – параллельные? Разве перемены коснулись не всего?

Что это за дом, думает существо. Край здания так и не появляется, когда пальцы нащупали изогнутые линии. Нужно остановиться и посмотреть. Вот они, изменения: здесь кирпичи удивительно преобразованы, они постепенно теряют прямоугольную форму, изгибаются, хотя поверхность остаётся ровной, никаких ямок, или шишек; удлинения, «ветви» одних кирпичей вплетаются в неповторимые узоры других, цементные швы при этом сохраняются, следуя изгибам блоков, которые должны скреплять.

«Нет, – думает существо, сощурившись, изучая хитросплетения, – такое можно было бы повторить и в старом мире. Можно попробовать отлить и обжечь кирпич в форме снежинки с изогнутыми спицами. Можно попробовать построить стену, подогнав блоки, каждый из которых отличается от остальных. Можно даже предположить, что строители, занявшиеся этой патологией, за время постройки произнесли бы слово «фак!» не менее тринадцати миллиардов раз».

Оно незаметно возобновляет движение вперёд. Медленно идёт, не отрывая взгляда от невероятной кладки. Гипноз достигает апогея у края здания, тут кирпичи искривляются сильнее всего, они словно капля тёмной краски, смазанная в сложную спираль на поверхности светлой краски. Иногда похожим образом скручивается пена на поверхности кофе, – вспоминает существо...

«Галактика в чашке кофе, как в детстве. Космические спирали в моей чашке... Галактики-гроздь. Плоды».

- Оплодотворение, – шепчет оно, шагнув за угол здания.

Здесь обнаруживается неширокая дорожка, слева продолжается дом, справа полоска земли со сросшимися кустарниками и шоссе за ними.

На эту часть здания выходят окна. Похоже, что скоро обнаружится парадный вход.

В прошлом окна защищали стальные решётки с рифлёными прутьями, ныне сталь стала неотъемлемой частью стекла: материалы слились в нечто, напоминающее большой кусок непрозрачной карамели. Прутья плавно перетекают в гладкую поверхность, рифления проникают в несовместимую материю, делая её темнее.

Предчувствие парадного оправдалось. Ненадолго существо останавливается перед ступенями широкого крыльца, а затем начинает подниматься. Из тумана, наконец, выплывают три двойных двери, слева виднеется доска с названиями. Существо поднимается на площадку крыльца и движется к дверям, под ногами похрустывает что-то, похожее на сухую листву.

«Но почему листьев не было там, на земле?» – Оно подходит к средним дверям, они тоже оказываются покрытыми слоем гриба, который отступает в местах, где стёкла. Наклонившись почти вплотную, ощущая разбитым носом специфический запах, сочетающий растительный аромат с чем-то, напоминающим живую плоть, существо пристально вглядывается внутрь.

Гриб отступает перед стеклом, но часть всё-таки проникает внутрь в виде сети прожилок, наподобие кровеносных сосудов. Или корневища. К тому же, в здании нет освещения, там совсем темно.

Не различив ни единого контура, змеиный взгляд отстраняется. А вообще, что можно там увидеть? И зачем это? Ведь созданий-то всё равно уже нет. – С лёгкой улыбкой существо делает пять шуршащих, трескучих шагов по направлению к доске.

На поверхности можно разобрать: «Родильное отделение №66».

- Это же роддом... – шёпот меж губ, над верхней ощущается корочка подсохшей крови.

Ниже знакомые буквы преобразовались в вязкие иероглифы, а в самом низу надпись словно оттянули изнутри, как резиновую, и получился бессмысленный узор.

Подёргивая губой то ли от ощущения засохшей крови, то ли от лёгкого отвращения перед тем, что «это же роддом», существо хрустит обратно к лестнице. У самых ступеней, скрипнув зубами, пинает раздражающие сухие хлопья.

- Да что же это такое?!

Кусочки пролетают над ступенями, некоторые падают на дорожку. Они напоминают... Существо нагибается и подхватывает несколько «листочков». Кулак разжимается, сухие листья рассыпались бы, а эти сохраняют форму. Эти бирочки, которые вырезают из зелёных, или оранжевых клеёнок, сохраняют форму. В отверстиях с краю верёвочка, ею бирку крепят к младенцу.

Существо разворачивает одну и смотрит внимательнее, на потемневшей, оранжевой поверхности строчки от руки: «Ты, 2013 - 2099». На следующей: «Я, 1983 - 2083». «Он, 2007 -»

«Ты, я, он, она, – думает существо, – оно. Простые имена, которыми можно назвать всё».

- Как глупо!.. – сдавленно выкрикивает, отбрасывает бирки прочь и бежит по ступеням вниз. В памяти застревают образы верёвочек-хвостиков,

«они похожи на пуповины!.. Пуповины, верёвочки... Связаны-привязаны».

Достигнув дороги, запахивает одежду и, обхватив руками себя, быстро движется в туман, прочь от этого дома, где производили кусочки мяса, которые потом в одну дырку надо

кормить, а две другие станут испражняться. И приходит время, когда одна из испражняющихся дырок начинает хотеть чего-то особенного. Прочь!!!

Родильное отделение №66 остаётся позади. По левую руку мелькают другие дома, ни к одному из них более не тянет. Скорее наоборот. Хотя несколько раз возникает желание свернуть в проход между стенами, затеряться в неизвестном дворе, спрятаться от кислоты мыслей. Но это устремление интуитивное, а ведь именно такое привело к столкновению с роддомом. Поэтому существо решает как можно дольше игнорировать интуицию, и просто двигаться вперёд, вдоль нависающих громадин слева и успокаивающей ограды из кустов справа.

Постепенно кислотность в голове уменьшается, в памяти проявляется ледяной участок, где даётся объяснение силе, преобразовавшей мир вокруг.

- Объяснение не оправдание, – произносит существо, не раскрывая рта. Вот вдруг обнаружилась такая способность – чревовещать. – Мне не нужно ничего оправдывать. Смысл в ощущениях, которые получаю от воспоминаний.

Окружающее безмолвие задаётся новым оттенком настроения от произнесённых фраз, оно взрослеет вместе с выражением змеиного взгляда.

Повсюду следы силы, изменившей реальность. Оно пробирается среди стен, которые невозможно воздвигнуть, оно видит машины, которые никто не сможет завести; следы силы в воспоминаниях, их легче освежить в голове, прочищенной кислотой.

«Я уцелел в битвах с живой материей, – думает существо, глядя на дома, – и всё остальное не сможет отравить страхом. – Туман немного рассеялся, приоткрывая ряды окон, куски мутной карамели напоминают о запахе гари. Существо видит: – Трясущаяся рука со сморщенной кожей подносит зажжённую спичку к горелке газовой плиты. В светлой кухне пахнет дымом, чаем. А скоро прибавится масло, хлеб, варёные куриные эмбрионы. Это старики в пустых квартирах»...

- Даа, – тянет хрипло, отведя взгляд от окон. Старость является противоположным краем бездны от младенчества. Как раз поэтому

«последними исчезли спички-старики в пустых квартирах. В конце концов, я так устал жить рядом с мерзкими, приторными океанами их тихих страданий... Одиночество в старости становится негласной религией, я ненавижу любую религию. Немошь сидит на стуле в светлой комнате, телевизор и тумбочка накрыты дешёвыми покрывалами, тюль паутинисто рассеивает день, такой живой и сочный. Спички-старики слышали писклявую радость, бегающую во

дворах. Спички-старички хотели слышать её и видеть, у писклявой радости широкие глаза и гладкая кожа, для них деревья шумят под самым небом, а зимним вечером каждый фонарь превращается в сказку».

- Д-а-а. – Из закрытого рта.

Шаг за шагом понимание того, что здесь скорее не следы силы, не её обрекающие печати, но места, в которых она зарождалась. В старом мире действительно работал закон: то, что не больно – бесполезно. Лишь малая, ювелирная часть песчинок по-настоящему понимала, что максимальная боль не гарантирует максимальной пользы. За время поколений, реализовавших себя в подобном стиле, сформировалось и приобрело несокрушимую твёрдость такое место зарождения силы, как несправедливость. Умышленно, либо неосознанно избегая гармоничности, обитатели старого мира достигли этапа, когда свинья всегда находила грязь, а мудрец – великую печаль.

Главной несправедливостью было то, что наиболее способные и достойные жили на одинаковой частоте с остальными. «Это не являлось ни преимуществом вторых, ни проклятием первых», – над песчаным пустырём обратное движение памяти... Способные и достойные легко представляли, как растворятся в будущем пошлые ценности тех, кто сегодня удовлетворён средним уровнем развития и не стремится повысить качество. Но достойные обречены были не только подстраиваться под ограниченность остальных, они понимали, что тоже растворятся вместе со всеми. Как будто нет совсем меж ними разницы, и достоинство их – ничто.

Нога стучается о бордюр на одной из площадей тихого города. Руки инстинктивно тянутся к лицу, чтобы защититься от нового удара, которого не последовало. Существо останавливается в пространстве, состоящем из однотонного сероватого тумана; больше нет силуэтов и теней где-то в глубине, вокруг свобода.

Пальцы щупают корочку крови под носом, стирают её, существо смотрит на тёмно-коричневые крошечные хлопья. «Моя кровь поменяла цвет». Когда кусочки напоминают бирки для младенцев, оно тщательно счищает их рукавом с лица и ладоней.

Стоя на площади, замечает мысли о способных и всех остальных. Если бы не свобода, то эти мысли превратились бы в вопросы.

- Чего были достойны способные, – доносится от сомкнутых губ. – Чего все остальные. Даже если была меж ними разница, закончили одинаково.

Существо движется вправо, слова замыкаются в мыслях: «Среди тех и других наверняка нашёлся не один мудрец, открывший величайшую печаль. И ему была очевидна правда. Вероятно, где-то мудрецы это запечатлели, но не рассчитывали ничего изменить данным фактом. – Существо показывает в пустоту раздвоенный язык и ухмыляется. – В старом мире правду всегда прятали в невзрачных книгах. А ложь перевозносили под яркими обложками».

Здесь от площади уходит шоссе, по сторонам от него тротуары. Левый тротуар пролегает над обрывом, уходящим в лесополосу. Идущий по этим местам не желает замечать ничего, кроме воспоминаний. Ему неведома маньячная романтика, пропитавшая толстые стволы и тонкие ветви. Романтика, взрастившая вот эти грибы, мимо которых существо скоро пройдёт и не заметит их разговоров.

- Дома мёртвого города прекрасны, – произносит гриб со шляпкой в форме пятиконечной звезды. – В них, если забыться, можно так влюбиться, что заплачешь.

- Да, – соглашается сосед со шляпкой в форме плюшевой свастики, – и будешь долго-долго так плакать, пока не сгоришь.

- А останется после тебя такое малое количество, что в новом мире, который открыл, существование станет несуразным.

- И ты больше не сможешь здесь жить, тебя не станет.

Оно минует беззвучный разговор, то и дело высовывая кончики языка. Вспоминается место, где происходили решающие импульсы, породившие силу: «Среди способных и остальных, не причисляя себя ни к тем, ни к другим, ничего кроме боли не ощущалось. Скука и отвращение к губительной предсказуемости тех, кто обречён раствориться в холодной темноте. Это превратилось в ненависть, а потом перестало быть и ею. Осталась только движущая Сила. Я помню, как глаза моргнули всего раз, и способные со всеми остальными превратились просто в обречённых».

Поворот выводит на узкую улицу с аллеей древних, высоких деревьев. Нетиповые дома внушают ощущение уюта: карнизы, лепнина, арки. Крылечки, козырьки... Входишь сюда, словно возвращаешься домой. Существо чувствует, как покой, едва нарушенный недавно, возвращается и овладевает. Оно накидывает на голову капюшон, спрятав от тумана выражение. Существо удовлетворено.

Позади повисает невидимая часть памяти, там сила разумной эмоции блестит в змеином взгляде. Обречённые на мгновение превращаются в тотальный кошмар. Затем сжимаются в светлую точку, которая прячется в одной из старых книг, под самой яркой обложкой.

Оно пробирается по улицам мёртвого города. Дойдя до конца, поворачивает обратно. Дойдя до конца, поворачивает обратно. Фигура в капюшоне плывёт внутри тумана, дома сливаются и перетекают друг в друга. И потом уже, как ни тщились глаза змеиные, существо не могло понять, где же оно само, а где туман.

